

Д.О. Серов (Новосибирск)

**«А КОТОРЫЕ ИЗ АРМИИ ВЗЯТЫ
ПРОКУРОРЫ...»: БЫВШИЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОСТАВЕ
ПРОКУРОРСКОГО КОРПУСА РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА**

В ряду административных преобразований Петра I особое место заняло учреждение прокуратуры – крупнейшего в истории отечественной государственности органа надзора. При всем том, что начальная история российской прокуратуры оказалась к настоящему времени изучена сравнительно подробно¹, доныне так и не появилось исследований, специально посвященных ее кадровому составу. Между тем, без освещения вопроса о персональном составе того или иного органа власти наши представления об этом не будут обладать ни надлежащей полнотой, ни целостностью.

Настоящая статья – это попытка систематически осветить состав прокурорского корпуса России, сформированного в период от основания прокуратуры до ее временной ликвидации в 1727 г. Наибольшее внимание в статье уделено прокурорам-выходцам из офицерских рядов.

Как удалось установить, с января 1722 г. по февраль 1727 г. состоялось 29 прокурорских назначений. На должностях прокуроров за отмеченный период перебывало в общей сложности 27 человек: 3 – в генерал-прокуратуре Сената, 2 – в обер-прокуратуре Синода, 14 – в прокуратурах центральных ведомств (коллегий, Главного магистрата и Монастырского приказа) и 8 – в прокуратурах надворных судов (гофгерихтов)².

На сегодня биографии многих российских прокуроров 1722–1727 гг. остались малоизученными. Только у пяти из них автору удалось выяснить дату рождения и всего у четверых – дату кончины³. Тем не менее, благодаря собранному данным, коллективный

портрет российских прокуроров «первого призыва» вырисовался в основных контурах вполне отчетливо.

По происхождению большинство прокуроров первой трети XVIII в. были выходцами из низшего дворянства. По привилегированному московскому списку (в стольниках и жильцах) в молодости успели послужить восемь будущих прокуроров (29,6 % общего числа лиц, занимавших прокурорские должности в 1722–1727 гг.)⁴. А вот из представителей титулованных фамилий в прокуратуре оказались только князья Ф.А. Барятинский и В.И. Гагарин (7,4 %).

По роду прежних занятий подавляющую часть прокуроров составили военнослужащие. К моменту назначения в прокуратуру воинские звания имели 25 человек (92,5 %), и лишь П.Б. Вельяминов и Т.К. Кутузов продолжали носить старинный чин стольника. Гвардейских офицеров (реальных и номинальных) в прокуратуру пошло девять человек (33,3 %), причем двое – И.Ф. Козлов и М.С. Хрущев – непосредственно со строевых должностей⁵. По своей полковой принадлежности трое прокуроров-бывших гвардейцев были до назначения семеновцами (упомянутые Иван Козлов, Михаил Хрущев, а также А.П. Баскаков), шестеро – преображенцами (И.И. Бибиков, Артемий Макшеев, Е.И. Пашков, И.Т. Сафонов, Г.Г. Скорняков-Писарев и П.И. Ягужинский). Кроме того, по меньшей мере, четверо будущих прокуроров проходили в гвардии солдатскую службу (Ф.А. Барятинский, А.Ю. Бибиков, А.Г. Камынин, И.Г. Камынин).

Самых высоких воинских званий достигли к 1722 г. И.В. Болтин и И.В. Отяев, пришедшие в прокуратуру полковниками, а также Г.Г. Скорняков-Писарев, определенный 18 января 1722 г. в обер-прокуроры Сената в тройном звании бомбардирского капитан-поручика, гвардии майора и «полевого» полковника. С другой стороны, Федор Барятинский и Авдей Радищев стали прокурорами, будучи армейскими поручиками. Остальные прокурорские вакансии заполнили капитаны, капитан-поручики, пятеро «полевых» майоров (М.Ф. Воейков, С.Д. Гурьев, С.Ф. Корин, А.Г. Ржевский, Иван Сицявин) и один подполковник (В.И. Гагарин). До наиболее высокой строевой должности сумел дослужиться Иван Болтин, определенный 28 мая 1722 г. обер-прокурором Синода из командиров Каргопольского драгунского полка⁶.

За плечами многих прокуроров остались походы и сражения

Северной войны, драматической Прутской кампании. Наиболее подробные сведения сохранились о фронтовом пути капитана Гренадерского драгунского полка Афанасия Камынина, назначенного 5 октября 1722 г. прокурором Вотчинной коллегии: «Был на штурме при взятии города Нарвы, на генеральной баталии под Полтавой, при атаке и взятии города Риги и Динамент-шанцев [Динамюнде], на акциях турецкой да при Пелкине в Финляндии, и ранен на бомбардировании шведского фрегата при Гапгуге. И был на галерном флоте с пачала вступления в Финляндию и до выходу, и во многих морских и сухопутных знатных партиях, в том числе при взятии Гельсингфорса...»⁷.

Более лаконично описал свое участие в Северной войне обер-прокурор Сената гвардии майор Г.Г. Скорняков-Писарев: «...Был в атаках у швецких, полских, голстинских, померанских у десяти городов и на многих баталиях и акциях»⁸. А вот драгунский майор Селиверст Гурьев, назначенный 17 апреля 1722 г. прокурором Коммерц-коллегии, отметил и вовсе скупое: «...С 703 в драгунех в регулярстве, и был на баталиях и акциях и ранен»⁹. В свою очередь, ставший 22 сентября 1723 г. прокурором Главного магистрата поручик Ф.А. Барятинский упомянул, что «служил... оп лейб-гвардии в Преображенском полку и во флоте на караблях, и в Финляндии, и в Адмиралтействе»¹⁰.

Боевых заслуг у прокуроров «первого призыва», несомненно, хватало, а вот правовых знаний им явственно недоставало. Совершенно очевидно, что для того, чтобы осуществлять эффективный надзор за соблюдением законности, прокурорам самим было необходимо являться знатоками действовавшего законодательства. Общая проблема здесь заключалась в том, что в России вплоть до середины XVIII в. в принципе отсутствовала система специальной подготовки в области юриспруденции¹¹.

Наибольшими знатоками системы законодательства в нашей стране в первой четверти XVIII в. являлись (как в XVI–XVII вв.) дьяки и подьячие. Как афористично заметил по этому поводу Г.Ф. Шершеневич, в допетровской России «были законоведы в лице дьяков и подьячих, но не было образованных юристов»¹².

Между тем, как ни удивительно, в начале 1720-х гг. законодатель не предусмотрел в отношении прокуроров никаких квалификационных требований – в том числе требования о наличии у них хотя бы элементарной юридической подготовленности или

же опыта профильной деятельности («заобычайности»). Более того: при комплектовании прокурорского корпуса 1722–1727 гг. в числе прокуроров не оказалось как ни одного выходца из приказной среды, так и ни одного имевшего юридическую подготовку иностранного специалиста, длительно находившегося на русской службе (каковым был, например, ассессор Юстиц-коллегии бывший ревельский адвокат Э. Кромнейн).

Уместно заметить, что аналогичная ситуация сложилась и при формировании в период 1710–1720 гг. судейского корпуса России. Не вдаваясь на этих страницах в подробности отмеченного сюжета (освещенного в рамках иной работы¹³), необходимо отметить, что каких-либо квалификационных требований в то время законодатель не предусмотрел так же и в отношении судей реформированных органов правосудия. Не вызывает сомнений, что при подборе и судейских, и прокурорских кадров сказалась тенденция, образно и точно сформулированная М.М. Богословским относительно кадров судейских: «Роль подготовленных юристов, из которых формировался состав шведских судов, в России предназначены были играть все те же капитаны, майоры и подполковники, которые, получивши начальное образование под руководством сельского пономаря и завершая его в пехотных и драгунских полках, считались специалистами решительно по всем сферам государственного управления»¹⁴.

Конечно, для того, чтобы оказаться подготовленным к должности прокурора в условиях России 1720-х гг., вовсе не обязательно было получать юридическое образование, для этого достаточно было располагать опытом работы в гражданской администрации или в правоохранительных и судебных органах, причем не только на канцелярских должностях. Подобный опыт заведомо предполагал хотя бы поверхностное ознакомление лица с основами действовавшего законодательства. Между тем, в гражданской администрации успели потрудиться лишь четверо будущих прокуроров – И.И. Бибииков, В.И. Гагарин, Т.К. Кутузов и И.В. Отяев (14,8 %; при том, что опыт гвардии капитана Ивана Бибиикова сводился к менее чем годовичному руководству Ревизион-конторой, а Тимофей Кутузов и Иван Отяев к прокурорским обязанностям фактически не приступили).

В судебных органах до назначения в прокуратуру работали всего трое (11,1 %): В.И. Гагарин (в 1720–1722 гг. ассессором в Санкт-

Петербургом надворном суде), Г.Г. Скорняков-Писарев (с 1718 г. судьей в Тайной канцелярии) да гвардии капитан А.П. Баскаков, служивший с 1723 г. судьей Вышнего суда. В свою очередь, выходцы из гвардии И.И. Бибииков, И.Ф. Козлов и Е.И. Пашков успели побывать на должностях ассессоров в «майорских» следственных канцеляриях¹⁵, а будущий прокурор Камер-коллегии Петр Вельяминов с 1715 г. трудился в следственной канцелярии И.Н. Плещеева, а с 1719 г. – в следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова (14,8 % лиц, занимавших прокурорские должности).

Остается добавить, что ко времени назначения в прокуратуру часть бывших военнослужащих имела далеко не лучшее состояние здоровья. Из документов второй половины 1720-х гг. известно, что В.И. Гагарин был «одержим головою болезнию и одышкой». Он же затруднено владел левой рукой. Аналогично «головной болезнию» страдал и С.Д. Гурьев (попутно медики выявили у него «склонность к чахотной болезню»). А 45-летний прокурор Юстиц-коллегии Александр Ржевский жаловался в сентябре 1726 г. на то, что «имею болезни чечюную и головную, и глазом одним не вижу, и бываю в беспамятстве»¹⁶.

Теперь коснемся вопроса о соотношении бюрократического «веса» повоозначенных прокуроров и поднадзорных им должностных лиц (кроме Сената и Синода). Здесь прежде всего необходимо отметить, что корпус попавших под надзор прокуратуры президентов коллегий и Главного магистрата отличался в 1722–1725 гг. заметной неоднородностью¹⁷. Наряду с могущественными сановниками, среди президентов оказались и сравнительно малоопытные администраторы, не имевшие в ту пору особенного влияния в коридорах петербургской власти. В силу этого прокурорам разных ведомств, отлаживая взаимоотношения с поднадзорными лицами, довелось решать задачи далеко не одинакового уровня сложности.

Для начала стоит отметить, что троим прокурорам – И.Ф. Козлову, Е.И. Пашкову и И.Г. Сафонову – пришлось иметь дело с коллежскими президентами, сохранившими посты сенаторов. В итоге как формальный, так и реальный бюрократический вес прокурора Военной коллегии гвардии капитана Егора Пашкова (должность которого находилась в VI классе Табели о рангах, а воинское звание – в VII классе) был в принципе несопоставим с весом оказавшихся у него под надзором генерал-фельдмаршалов А.Д. Меншикова и А.И. Репнина¹⁸ (I класс Табели). Пришедший

в феврале 1722 г. в Адмиралтейскую коллегию «надсматривать» за президентом генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным (тот же I класс Табели) Иван Козлов и вовсе был гвардии капитан-поручиком (VIII класс). Более чем влиятельного подопечного заполучил в лице генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса и ставший прокурором Берг-коллегии Иван Сафонов, произведенный в капитаны Преображенского полка 1 января 1721 г.¹⁹, менее чем за полтора года до назначения в прокуратуру.

Но административные «зубры» поджидали прокуроров и в других ведомствах. Назначенный прокурором в Юстиц-коллегию 42-летний драгунский майор Александр Ржевский встретил там 63-летнего графа П.М. Апраксина, бывшего боярина и сенатора²⁰. Определенный 19 сентября 1722 г. в прокуратуру Монастырского приказа вчерашний капитан Ингерманландского нехотного полка С.А. Раевский столкнулся в его стенах с бывшим московским вице-губернатором Василием Ершовым (которого в январе 1723 г. сменил не менее «заобычайный» в административных и судебных делах Кирилл Чичерин, в прошлом – судья Поместного приказа, смоленский ландрихтер, а затем советник Камер-коллегии²¹).

Ближе друг к другу по обстоятельствам прежней карьеры оказались прокурор и президент в Вотчинной, Малороссийской, Коммерц- и Мануфактур-коллегиях. Первым президентом Вотчинной коллегии (учрежденной почти одновременно с прокуратурой России) стал кадровый офицер полковник М.А. Сухотин. И хотя Михаил Сухотин превосходил прокурора А.Г. Камынина по возрасту (на целых 18 лет) и по воинскому званию (на две ступени)²², и тот и другой явились в коллегию – преемнику старинного Поместного приказа – людьми совершенно новыми, одинаково чуждыми спяянной корпорации дельцов от вотчинной юстиции. Более того: и Афанасий Камынин, и М.А. Сухотин до назначения в Вотчинную коллегию вообще никогда не состояли на государственной гражданской службе²³.

Назначенный 18 января 1722 г. президентом Коммерц-коллегии 36-летний И.Ф. Бутурлин до этого 11 лет тянул строевую лямку в Семеновском полку, затем три года состоял армейским обер-кригс-комиссаром, четыре года – советником в Ревизион-коллегии²⁴. Такой послужной список обуславливал относительное статусно-административное равновесие Ивана Бутурлина с прокурором коллегии бывшим драгунским майором Селиверстом Гурьевым.

Думается, примерно одним бюрократическим «весом» обладали глава Малороссийской коллегии полковник С.Л. Вельяминов и прокурор коллегии гвардии капитан-поручик М.С. Хрущев, президент Мануфактур-коллегии В.Я. Новосильцев и прокурор коллегии бывший капитан-поручик Преображенского полка, а затем бригадкомиссар А.Ю. Бибиков.

Разнородность персональных характеристик руководящего состава была свойственна тогда, впрочем, не только системе центрального управления. Аналогичная картина наблюдалась и в надворных судах²⁵. Среди поставленных под надзор прокуратуры президентов и вице-президентов гофгерихтов наиболее могущественной фигурой в 1722 г., несомненно, был А.И. Панин.

Начавший карьеру еще в 1690 г. в комнатных стольниках царя Ивана Алексеевича, Алексей Панин попал вскоре в Семеновскую потешную роту, затем в одноименный гвардейский полк, в котором прошел путь от урядника до капитана. Определенный в декабре 1717 г. ассессором в следственную канцелярию С.А. Салтыкова Алексей Иванович был в феврале 1720 г. произведен в полковники и назначен вице-губернатором в Смоленск. 7 августа 1722 г. 47-летний А.И. Панин занял также пост президента Смоленского надворного суда²⁶. Понятно, что и армейский поручик Авдей Радищев, назначенный прокурором Смоленского гофгерихта 22 января 1723 г., и сменивший его 24 декабря 1724 г. вчерашний гарнизонный майор Иван Силявин имели мало шансов отладить надзор за столь заслуженным президентом и по совместительству вице-губернатором.

Исходя из личного фактора, несомненно, проще было работать прокурорам Курского и Ярославского надворных судов. В Курске прокурору «из капитанов» И.Т. Камыницу довелось надзирать за подполковником И.С. Батуриным, понавшим в июле 1722 г. в вице-президенты Курского гофгерихта со скромной должности городского судьи Мещовска²⁷. В Ярославле бывшему майору С.Ф. Корину вышало надзирать за вице-президентом А.М. Шейдяковым (президент в Ярославский надворный суд так и не был назначен), прежде состоявшим на третьих ролях в российском посольстве в Варшаве²⁸.

Особая ситуация сложилась в Московском надворном суде, прокурором которого 20 июля 1722 г. стал бывший подполковник, бывший вице-губернатор и сам бывший судья В.И. Гагарин.

Выходец из влиятельного старомосковского клана, князь Василий Иванович располагал наиболее обширным из всех прокуроров 1722–1727 гг. административным и судебным опытом. В итоге из судей Московского надворного суда 1722–1725 гг. ни один не превосходил Василия Гагарина по уровню и разнообразию прошлой карьеры²⁹. Ставший в июле 1722 г. вице-президентом суда 44-летний полковник С.Я. Юрлов более двух десятилетий находился на военной службе и только в ноябре 1719 г. занял должность судьи в том же Московском гофгерихте. И лишь с назначением 18 июня 1725 г. президентом суда заслуженного фронтовика и искушенного администратора бригадира В.Н. Зотова³⁰ Василий Гагарин получил бюрократически «равновесного» ему поднадзорного руководителя.

Впрочем, дело было не в одних только фигурах руководящих должностных лиц, но и в объеме и специфике работы поднадзорного органа власти. Тот же В.И. Гагарин был поставлен осуществлять надзор над самым большим по штату и наиболее загруженным делами гофгерихтом. По состоянию на январь 1722 г., в Московском надворном суде трудились семеро судей (вице-президент и шесть ассессоров), 28 канцелярских служащих (во главе с двумя секретарями) и шестеро сторожей (по курьерам и заплочным мастерам сведения отсутствуют)³¹. По данным же на 1726 г., в Московском надворном суде числились шестеро судей (президент и пять ассессоров), 27 канцелярских служащих, трое сторожей, 12 рассыльщиков и двое заплочных мастеров³². В итоге несмотря на весь опыт прежней службы, Василий Гагарин оказался вынужден жаловаться в доношении в Сенат в 1724 г., что в Московском гофгерихте «множество всяких дел, которые смотрением во всякой исправности объять ему одному некоторыми делами невозможно»³³.

По-видимому, не испытал больших сложностей в Камер-коллегии Петр Вельяминов, безусловно поднаторевший в «счетных делах» в бытность работы в следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова. Насколько можно понять, вполне освоился в Штатс-контор-коллегии бывший комиссар Рижского гарнизона капитан А.И. Жолобов, которому, несомненно, пригодились его навыки гарнизонного снабженца. А вот вчерашний пехотный капитан С.А. Раевский вряд ли уверенно чувствовал себя в управлявшем гигантским хозяйством русской церкви Монастырском приказе.

По всей вероятности, нелегко было вникать в тонкости

посадских дел прокурорам Главного магистрата бывшему майору М.Ф. Восйкову и бывшему поручику Ф.А. Барятинскому. Кажется, мало что смог понять во внешнеторговых операциях прокурор Коммерц-коллегии вчерашний драгунский майор С.Д. Гурьев.

Но тяжелее всех на прокурорском поприще, вероятнее всего, пришлось А.Г. Камынину. 33-летний ветеран Полтавы и Гагута (начавший солдатскую службу 15-ти лет от роду и из-за непрерывного пребывания в войсках ни разу, по всей очевидности, не вступавший в поместные тяжбы), Афанасий Камынин оказался в учреждении с вековыми традициями волокиты и кривосудия, в дебрях архаичного вотчинного законодательства. Обстановка для Афанасия Григорьевича усугублялась еще и тем, что, кроме президента-фронтовика, остальное руководство Вотчинной коллегии состояло из крючкотворов, относительно которых в 1722 г. сенатор П.П. Шафиров емко выразился: «... перед ними хотя и виселицу ставь, а они неправду делают»³⁴.

Чувствительнее всего прокурора донескал временно состоявший с 29 апреля 1722 г. в должности президента коллегии Ф.С. Мануков (5 ноября 1725 г. занявший должность вице-президента коллегии), признавший закопистик весьма сомнительного морального облика³⁵. В доношении от 28 октября 1724 г. Афанасий Камынин с горечью и раздражением извещал генерал-прокурора: «При слушании дел многажды случалось и ныне есть: ис членов коллежских, а особливо Мануков, ис тех, кои изстари в Поместном приказе, скажет: “Не все указы выписаны”, и напаметовал указ, в какой книге при том объявит, которых другому, а паче которые из солдат, и ведать невозможно»³⁶.

Примечательно, что со временем А.Г. Камынин более чем освоился в дебрях вотчинной юстиции. По странной прихоти судьбы, с Вотчинной коллегией, в которую он так негладно попал в 1722 г., оказалась связана вся дальнейшая карьера Афанасия Григорьевича. Продолжателем дела Ф.С. Манукова Афанасий Камынин стал даже в формальном смысле: именно бывший прокурор занимал с сентября 1740 г. по август 1760 г. должность вице-президента коллегии³⁷ (в каковой в 1725–1736 гг. состоял Федосей Семенович).

Остается добавить, что А.Г. Камынин оказался не единственным из числа прокуроров-фронтовиков 1722–1727 гг., которому удалось впоследствии сделать правительственную карьеру. Бывший

командир 1-й роты Преображенского полка, занимавший с мая 1725 г. по июнь 1726 г. должность обер-прокурора Синода, Алексей Баскаков стал в дальнейшем президентом Ревизион-коллегии, тайным советником. Бывший поручик, прокурор Главного магистрата 1723 - 1727 гг. Ф.А. Барятинский дослужился затем до главного судьи Сибирского приказа и действительного статского советника.

Должности президента Вотчинной коллегии достиг бывший майор, прокурор Юстиц-коллегии 1722–1727 гг. Александр Ржевский, произведенный 27 мая 1741 г. при отставке в генерал-майоры. Бывший капитан-преображенец, обер-прокурор Сената 1723–1727 гг. И.И. Бибилов занимал должности президента Ревизион- (в 1727–1728) и Камер-коллегий (в 1736 - 1740 гг.), выслужил чин генерал-лейтенанта. А вот бывший капитан-поручик Семесовского полка, прокурор Малороссийской коллегии 1722–1725 гг. Михаил Хрущев дослужился и вовсе до сенатора.

Наконец, достойно упоминания, что двое прокуроров-фронтовиков «первого призыва» вновь оказались на службе в прокуратуре после ее воссоздания в 1730 г. Бывший гвардии капитан, прокурор Малороссийской коллегии 1725 - 1727 гг. Артемий Макшеев в августе 1734 г. стал прокурором Сысского приказа (пробыв на этой должности, впрочем, недолго – до отставки в ноябре того же 1734 г.). А вот бывший солдат-семесовец, а впоследствии капитан И.Т. Камынин, состоявший в 1722–1727 гг. прокурором Курского надворного суда, с августа 1734 г. по октябрь 1740 г. занимал должность прокурора Московской губернии.

Суммируя вышесказанное, следует констатировать, что в прокурорский корпус 1722 - 1727 гг. вошли главным образом вчерашние военнопослужащие среднего и старшего офицерского состава. Более половины из них не располагали даже минимальным опытом административной и судебной работы, а потому заведомо не могли иметь углубленного представления о системе действующего законодательства. Назначение таковых лиц на прокурорские должности значительно ослабляло эффективность их будущей деятельности по надзору за соблюдением законности.

По формальному статусу и опыту предшествующей службы значительная часть прокуроров 1722 - 1727 гг. уступала поднадзорным должностным лицам. Взаимно несопоставимы были статус и влияние прокуроров – вчерашних офицеров и поднадзорных им

президентов в Адмиралтейской, Военной и Берг-коллегиях, в Монастырском приказе, в Смоленском гофгерихте. Подобная ситуация также не могла не снижать эффективность надзорной деятельности соответствующих прокуратур.

¹ Новейшее обозрение литературы о российской прокуратуре первой трети XVIII в. см.: Серов Д.О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. С. 14-17.

² Общие (хотя и неполные) сведения о личном составе прокуратуры 1722–1727 гг. см. в двух специальных ведомостях, подготовленных в канцелярии Сената в июне 1729 г.: Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730 гг. Т. 7 // Сборник Императорского русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1894. Т. 94. С. 754–756, 758. Сводные данные о назначениях на прокурорские должности за январь 1722 – январь 1725 гг. см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 268–269.

³ Биографические сведения о прокурорах первой четверти XVIII в. см.: Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.). Новосибирск, 2002. С. 264–276. Более подробные сведения о служебной карьере прокуроров И.Т. Камынина и С.Ф. Корина см.: Областные правители России. 1719 - 1739 гг. / Сост. Бабич М.В., Бабич И.В. М., 2008. С. 356–357, 396.

⁴ Согласно копии боярского списка 1712 г., в стольниках некогда числились будущие прокуроры Вельяминов П.Б., Бибилов А.Ю., Гагарин В.И., Жолобов А.И., Кутузов Т.К., Отяев И.В., Скорняков-Писарев Г.Г., в жильцах – Ржевский А.Г. (Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Калачева Н.В. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 104, 107–108, 110).

⁵ Козлов И.Ф. был назначен прокурором из капитан-поручиков 1-й роты Семесовского полка, Хрущев М.С. – из капитан-поручиков 4-й роты того же полка (РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 20, 36). К числу номинальных офицеров гвардии следует отнести генерал-прокурора Ягужинского П.И., с 1708 г. числившегося капитаном «сверх комплекта» в 7-й роте Преображенского полка, и Пашкова Е.И. аналогично числившегося сверхкомплектным капитаном той же роты (Там же. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 8 об.).

⁶ См. челобитную Болтина И.В. от апреля 1725 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 75. Л. 219.

⁷ См. челобитную Камынина А.Г. от июня 1727 г.: Протоколы, журналы и указы... Т. 4 // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 585.

⁸ См. челобитную Скорнякова-Писарева Г.Г. от февраля 1743 г.: РГАДА. Ф. 11. № 788. Л. 2.

⁹ См. изложение челобитной Гурьева С.Д. в доложении Сената Верховному Тайному Совету от 4 ноября 1726 г.: Протоколы, журналы и указы... Т. 2 // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 339.

¹⁰ См. изложение челобитной Барятинского Ф.А. в сенатском указе от 21 февраля 1727 г.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1963. Л. 136.

¹¹ О состоянии юридического образования в России XVII – первой половины XVIII вв. подробно см.: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспру-

- денция в России в XVIII столетии: учеб. пособие. М., 2010. С. 18–120. Для сравнения уместно добавить, что в ставшей для Петра I образцом Швеции по состоянию на 1700 г. насчитывалось четыре университета (в Упсале, Лунде, Або и Дерпте/Пярну), все имели юридические факультеты (История Тартуского университета. 1632–1982 / Под ред. К. Сяйливаска. Таллин, 1982. С. 18, 28, 33). Особенно удивительно, что Петр I не предпринял никаких мер по восстановлению университета в Дерпте, в марте 1699 г. перемещенного шведскими властями в Пярну, а в августе 1710 г. эвакуированного в Стокгольм (подробнее об этом см.: Эригсон Л. Из истории Academia Gustavo-Carolina (1690–1710) // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 184–217).
- ¹² Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1899. Кн. 2. С. 68.
- ¹³ Серов Д.О. Зарождение судейского корпуса России (из истории судебной реформы Петра I) // Россия и мир. Панорама исторического развития: сб. научн. статей. Екатеринбург, 2008. С. 552–560.
- ¹⁴ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 291.
- ¹⁵ С декабря 1717 г. И. И. Бибииков состоял ассессором в следственной канцелярии Г.Д. Юсупова, И.Ф. Козлов – П.М. Голицына, Е.И. Паников – И.И. Дмитриева-Мамонова (подробнее об этом см.: Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения: сб. научн. статей и публикаций. СПб., 2001. Вып. 1. С. 79–93).
- ¹⁶ Протоколы, журналы и указы... Т. 2 // Сб. РИО. Т. 56. С. 339; То же. Т. 3 // Сб. РИО. Т. 63. С. 232; То же. Т. 6 // Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 84. С. 265. Касательно В.И. Гагарина в июле 1728 г. отмечалось также, что он «глазами худо видит, и непрестанно из них течет гной» (Там же).
- ¹⁷ Сводные данные о назначениях на должности президентов и вице-президентов коллегий и обер-президента Главного магистрата за декабрь 1717 – январь 1725 гг. см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 266.
- ¹⁸ Решением А.И. сменил Меншикова А.Д. в должности президента Военной коллегии, согласно именному указу от 19 мая 1724 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1935. Л. 81 об.).
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 15.
- ²⁰ Из рядов сенаторов П.М. Апраксин выбыл в 1718 г. в связи с первой реорганизацией Сената. Президентом Юстиц-коллегии Петр Апраксин стал 29 апреля 1722 г. Стоит добавить, что 7 мая 1724 г. Петр Матвеевич получил нововведенный чин действительного статского советника. Помещенный в IV класс Табели о рангах данный чин на две ступени превосходил должность коллежского прокурора (по своему воинскому званию армейского майора А.Т. Ржевский числился вовсе в VIII классе Табели) (РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 362; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век / Сост. Баранов. П.И. СПб., 1872. Т. 1. № 1450).
- ²¹ Новейшую сводку биографических данных о В.С. Еришове и К.Л. Чичерине см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 42–43, 80–81.
- ²² См. краткий послужной список М.А. Сухотина 1725 г.: РГАДА. Ф. 286. Кн. 74. Л. 121 об. Президентом Вогчинной коллегии Михаил Сухотин был определен именованным указом от 20 августа 1723 г. (Там же. Ф. 248. Кн. 1917. Л. 22 об.).

- Уместно заметить, что в 1704–1707 гг. М.А. Сухотин и А.Г. Камышин параллельно (хотя и в разных званиях) проходили службу в Семеновском полку.
- ²³ А.Г. Камышин пришел в Вогчинную коллегию со строевой должности в Грендерском драгунском полку, М.А. Сухотин – с должности коменданта Нарвы.
- ²⁴ Систематические данные о карьере И.Ф. Бутурлина см. в челобитной его вдовы Марфы Яковлевны от 13 ноября 1726 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 84. Л. 187–187 об. О возрасте Ивана Бутурлина см.: Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 652.
- ²⁵ Сводные данные о назначениях на должности президентов и вице-президентов надворных судов за 1719 – январь 1725 гг. см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 269.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1886. Л. 39 об.; Там же. Кн. 1889. Л. 526. Наиболее подробно об обстоятельствах службы А.И. Панина изложены в его челобитной от мая 1738 г.: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 11 / Под ред. А.Н. Филиппова // Сб. РИО. Юрьев, 1912. Т. 138. С. 199.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1889. Л. 454 об. К моменту назначения в Курский надворный суд И.С. Багурина имел за спиной достаточно богатую событиями карьеру. Согласно послужному списку Ивана Батурина 1721 г., в 1680-е – 1690-е гг. ему довелось принять участие в посольствах в Речь Посполитую, Швецию и Австрию, во втором Крымском и обоих Азовских походах. В первом десятилетии XVIII в. Иван Степанович исполнял должность провиантмейстера в Воронеже и Пскове, воевал в Прибалтике, описывал заповедные леса и рыбные ловли. Городовым судьей Менцовска он стал в 1718 г. (Там же. Кн. 8104. Л. 37–37 об.).
- ²⁸ Пост вице-президента Ярославского гофгерихта А.М. Шейдяков заявил несомненно по протекции сенатора Г.Ф. Долгорукова, под началом которого он прежде работал в посольстве в Польше. Известно, что в 1719 г., по поручению Григория Федоровича, Афанасий Шейдяков содействовал бегству его дочери Александры от мужа В.Ф. Салтыкова. Примечательно, что вопрос о покровительстве Григория Долгорукова Афанасию Михайловичу внезапно всплыл на процессе П.П. Шафирова и Г.Г. Скорнякова-Писарева 1723 г. В ходе судебных заседаний Григорий Скорняков-Писарев между иного заявил, что Афанасия Шейдякова следует отстранить от должности вице-президента, поскольку эту должность он получил «за службу его князю Долгорукову во увезении дочери его от мужа Салтыкова». Специальное рассмотрение данного эпизода завершилось резолюцией Петра I: «Отставить [эпизод], для того что [Г. Г. Скорняков-Писарев] доносил, что он [А.М. Шейдяков] за простотою своею не годен [в вице-президенты], а преступления он за сим никакого не знает» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 72 об.). В итоге, Афанасий Шейдяков пробыл вице-президентом Ярославского гофгерихта до августа 1725 г., когда его уволили в отставку по старости (Там же. Кн. 1947. Л. 34).
- ²⁹ Едва ли не превосходивший В.И. Гагарина по влиятельности и опыту прежней службы вице-президент Московского гофгерихта бригадир И.Л. Воейков был отстранен от должности вице-президента именованным указом от 24 апреля 1722 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 277 об.).
- ³⁰ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 88.
- ³¹ РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 225–226 об. Для сравнения можно отметить, что по состоянию на февраль 1723 г. в Воронежском надворном суде состояли

четверо судей и 14 канцелярских служащих (Там же. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5961. № 102. Л. 1 об.).

³² Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 113.

³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1934. Л. 13–13 об. В ответ 4 декабря 1724 г. Сенат предписал направить В. И. Гагаришу указ с глубоко содержательным напоминанием о том, «чтоб он во управлении дел поступал по должности своей и по указом и по Регламенту со всяким прилежанием» (Там же).

³⁴ Там же. Кн. 300. Л. 137. Приведенное заявление П.П. Шафирова стало предметом отдельного разбирательства на упоминавшемся процессе 1723 г. Допрошенный в связи с этим 16 января 1723 г. временно состоявший в должности президента Вотчинной коллегии Ф.С. Мануков воспроизвел слова Петра Шафирова в несколько иной формулировке. По версии Федосея Манукова, сенатор высказался о том, что в Вотчинной коллегии дела решаются «нецриво, не боясь поставленного на столе его императорского величества указу, и хоть и виселицы на столе поставить, то боятца не будут» (Там же. Л. 134 об.).

³⁵ Начавший трудовой путь подьячим еще в 1680 г. Ф.С. Мануков обладал, пожалуй, уникальным среди руководителей коллегий 1720-х гг. опытом практического законовещения. 32 года проработавший в Поместном приказе, а затем последовательно занимавший должности Санкт-Петербургского ландрихтера и обер-ландрихтера Санкт-Петербургского провинциального суда Федосей Мануков не раз обвинялся в различных злоупотреблениях, но каждый раз ускользал от правосудия. Примечательный эпизод, связанный с Федосеем Семеновичем, оказался зафиксирован фискальской службой. В [1712 г.] в Сенат поступило фискальское доношение «на ландтрата Луку Каблукова да на ландрихтера Федосея Манукова, что, быв они в доме Федосея Манукова да с ними дьяк Андрей Ратманов, попрекались меж собою, что в бытность свою у дел крали государеву денежную казну» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 657. Л. 31 об.). О карьере Ф.С. Манукова см. в его послужном списке 1725 г. и его же челобитной от 2 ноября 1726 г.: Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 84. Л. 382–382 об.; Там же. Ф. 286. Кн. 74. Л. 122. В литературе о Федосее Семеновиче наиболее подробно (хотя и с некоторыми неточностями) см.: Петрухинцев П.П. В корнях Суворовского древа // Родина. 2010. № 11. С. 6–9.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 50. Л. 745 об.

³⁷ Опись высочайшим указам и повелениям... / Сост. П.И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. № 8604; То же. СПб., 1878. Т. 3. № 11660.